

**БУДЫЛИН
СЕРГЕЙ ЛЬВОВИЧ**

старший юрист компании
Roche & Duffay

ПАРАЛЛЕЛЬНЫЙ ИМПОРТ: БЫТЬ ИЛИ НЕ БЫТЬ?

Российское законодательство в его действующей судебной интерпретации полностью запрещает параллельный импорт наравне с импортом поддельных товаров. Логические основания этого запрета отнюдь не бесспорны: во многих развитых странах определенные формы параллельного импорта допускаются, а кое-где даже поощряются исходя из интересов потребителя. По-видимому, российскому законодателю стоит подумать о более тонком регулировании параллельного импорта, чем его абсолютном запрете.

В современной экономической жизни чрезвычайно важную роль играют товарные знаки, служащие незаменимым средством индивидуализации товаров того или иного производителя. Согласно российскому законодательству в состав исключительного права владельца товарного знака (правообладателя) входит право ввоза в Россию товаров, маркированных этим знаком. Никаких ограничений на исключительное право использования товарного знака российский закон не предусматривает (кроме исчерпания исключительного права, о чем чуть ниже). Таким образом, при отсутствии разрешения правообладателя любой ввоз в Россию товаров, маркированных зарегистрированным в России товарным знаком, является правонарушением.

Существует два концептуально различных случая несанкционированного ввоза в страну маркированного товарным знаком товара. В первом случае товар является поддельным, т. е. не имеющим никакого отношения к правообладателю, и товарный знак размещен на нем без каких-либо правовых оснований. В этом случае обоснованность запрета на импорт товара не вызывает сомнений. Во втором случае ввозимый товар был правомерно введен в гражданский оборот за рубежом — самим правообладателем или аффилированной с ним компанией, владеющей правами на этот товарный знак за рубежом, или их лицензиатом. Этот второй вариант ввоза в страну маркированного товарным знаком товара известен как «серый» или «параллельный» импорт (имеется в виду,

что он осуществляется неуполномоченными лицами наряду с импортом, санкционированным правообладателем). Обоснованность запрета параллельного импорта подлинных товаров уже далеко не столь очевидна. Отметим, что серый импорт в указанном смысле следует отличать от ввоза товаров по подложным документам или по заниженной таможенной стоимости, что тоже иногда именуется серым импортом.

Российское законодательство об интеллектуальной собственности не делает никакого различия между ввозом поддельных товаров, маркированных товарным знаком, и параллельным импортом подлинных товаров. В обоих случаях товар считается контрафактным с соответствующими правовыми последствиями. Насколько обоснован такой подход? Как будет обсуждаться далее, законодательство и (или) правоприменительная практика многих стран мира допускают те или иные формы параллельного импорта. По-видимому, над проблемой параллельного импорта стоит задуматься и российскому законодателю.

Буква закона

Законодательство России, как и большинства других стран, предоставляет правообладателю (лицу, на имя которого зарегистрирован товарный знак) исключительное право использования этого товарного знака. Это исключительное право, помимо прочего, может осуществляться «путем размещения товарного знака» на товарах, которые «производятся, предлагаются к продаже, продаются, демонстрируются на выставках и ярмарках или иным образом вводятся в гражданский оборот на территории Российской Федерации, либо хранятся или перевозятся с этой целью, либо ввозятся на территорию Российской Федерации» (подп. 1 п. 2 ст. 1484 ГК РФ).

Если читать закон буквально, можно прийти к выводу, что правонарушением является несанкционированное «размещение» товарного знака, а не сам «ввоз» маркированного им товара. Тогда, по-видимому, параллельный импорт товаров, на которых сам же правообладатель разместил свой товарный знак, окажется

вполне правомерным. Однако, как мы увидим далее, суды читают закон совсем иначе и без всяких колебаний налагают санкции именно за несанкционированный ввоз. Это, конечно, вполне объяснимо с практической точки зрения, ведь при иной интерпретации закона и импортер поддельных товаров мог бы ссылаться на то, что товарный знак размещал не он сам, а зарубежный производитель.¹

Таким образом, исходя из традиционного прочтения закона ввоз в РФ товара, маркированного охраняемым в РФ товарным знаком, без разрешения правообладателя неправомерен, независимо от поддельности или подлинности товара. За это правонарушение, равно как и за иное незаконное использование товарного знака, предусмотрена как гражданско-правовая (ст. 1515 ГК РФ), так и административная ответственность (ст. 14.10 КоАП РФ), а в особо серьезных случаях — ответственность уголовная (ст. 180 УК РФ).

Единственным ограничением, предусмотренным законом для исключительного права на товарный знак, является исчерпание исключительного права. Это значит, что товарный знак можно использовать без разрешения правообладателя «в отношении товаров, которые были введены в гражданский оборот на территории Российской Федерации непосредственно правообладателем или с его согласия» (ст. 1487 ГК РФ). Типичный пример разрешенного данной нормой использования товарного знака — перепродажа таких товаров. При этом существенно, что, как явствует из текста нормы, к исчерпанию исключительного права в РФ приводит введение товаров в гражданский оборот только в России, но не за рубежом. Это и означает фактический запрет параллельного импорта.

Авторы ГК РФ не сочли нужным сделать каких-либо исключений не только для лиц, осуществляющих параллельный импорт на коммерческой основе, но и для обычных физических лиц (не являющихся предпринимателями), перемещающих товары через границу для личных нужд. Такая «забывчивость» выглядит

¹ Отметим, что до 2002 г. закон явно устанавливал, что правонарушением является именно ввоз (наряду с другими способами введения в хозяйственный оборот) контрафактного товара, и лишь в 2002 г. правонарушением согласно букве закона стало несанкционированное «размещение»

товарного знака на ввозимом товаре (см.: Федеральный закон от 11.12.2002 № 166-ФЗ). Судебная практика, однако, никак не отреагировала на изменение формулировки закона, по-прежнему наказывая импортеров за ввоз контрафактного товара.

довольно загадочно, ведь в главах четвертой части ГК РФ, относящихся к другим объектам интеллектуальной собственности, предусмотрены различные послабления для физических лиц, использующих объект интеллектуальной собственности в некоммерческих целях.² В результате путешественник, въезжающий в Россию в подлинных джинсах Levi's, кроссовках Adidas и нижнем белье Calvin Klein, рискует быть признанным нарушителем российских законов (а административной санкцией, напомним, является штраф и конфискация товара).

Конечно, возможна разного рода формалистическая аргументация в пользу такого путешественника, например что ввозимые вещи не являются «товаром» (предназначенным для продажи) или что такой ввоз не является «использованием» товарного знака (ввиду отсутствия коммерческой цели).³ Однако подобная аргументация не кажется абсолютно убедительной ввиду отсутствия явного рассмотрения данной ситуации в тексте закона и неоднозначности (по меньшей мере) действующих его формулировок. Является ли правонарушением, например, ввоз в РФ физическим лицом автомобиля (а ведь все автомобили маркированы соответствующими товарными знаками), который владелец может затем использовать в личных целях, а может и выгодно продать? Буквальное прочтение закона приводит к довольно абсурдному выводу, что такой ввоз в любом случае является правонарушением. Представляется, что отсутствие в судебной практике дел о конфискации у путешественников личных вещей, маркированных товарным знаком, делает честь здравому смыслу таможенников и правообладателей, но отнюдь не авторов ГК РФ.

Судебная практика

Разумеется, все правообладатели заинтересованы в противодействии ввозу в страну поддельных товаров, маркированных их товарным знаком. Однако лишь некоторые из них проявляют аналогичную заинтересованность в борьбе с параллельным импортом своих подлинных товаров. Судя по доступной судебной практике, весьма активным борцом с «параллельным импортом» своих автомобилей в Россию является немецкая компания Dr. Ing. h. c. F. Porsche AG. Два, по существу, идентичных дела дошли до кассационной инстанции — Федерального арбитражного суда Московского округа.⁴ Суть каждого из дел сводилась к следующему.

Упомянутая немецкая фирма является правообладателем международной регистрации товарного знака Porsche (и ряда других), действующей и в России на основании Мадридского соглашения о международной регистрации товарных знаков и Мадридского протокола. Лицензиатом фирмы в России является ООО «Порше Руссланд».

Некая коммерческая организация ввезла в Россию подержанный автомобиль «Порше». Автомобиль был выпущен таможенным органом для внутреннего потребления. Однако впоследствии по заявлению ООО «Порше Руссланд» таможенный орган возбудил дело по признакам административного правонарушения, а после окончания административного расследования обратился в Арбитражный суд г. Москвы с заявлением о привлечении импортера к ответственности. Суд привлек импортера к административной ответственности по ст. 14.10 КоАП РФ и назначил ему наказание в виде штрафа (30 тыс. руб.). Решение было поддержано в апелляционной и кассационной инстанциях. Дело рассматривалось на основе более ранней версии законодательства (Закон РФ от 23.09.1992 № 3520-1 «О товарных знаках, знаках обслуживания и наименованиях мест происхождения товаров» с послед. изм.), но действующая в настоящее время норма ГК РФ почти дословно совпадает с действовавшей в то время нормой.

Итак, согласно действующему законодательству РФ об интеллектуальной собственности параллельный импорт, т. е. ввоз в Россию без разрешения правообладателя подлинных товаров, маркированных зарегистрированным в России товарным знаком, столь же неправомерен, как и ввоз поддельных товаров, маркированных таким знаком.

² См.: ст. 1237, 1306, п. 4 ст. 1359, п. 1 ст. 1422, п. 2 ст. 1456 ГК РФ и др.

³ «При определении законности размещения товарного знака должны учитываться не только способы использования товарного знака, но и цель такого использования — введение в гражданский оборот соответствующих товаров»

(Комментарий к ст. 1515 ГК РФ // Комментарий к части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации / под ред. А.Л. Маковского. М., 2008).

⁴ Постановления ФАС Московского округа от 21.11.2007 № КА-А40/11934-07 по делу № А40-16444/07-149-101; от 21.11.2007 № КА-А40/11927-07 по делу № А40-20182/07-21-164.

Аргументация ответчика сводилась к следующему: 1) отсутствует вина ответчика в совершении данного административного правонарушения; 2) ввоз на территорию РФ товара с уже размещенным на нем правообладателем товарным знаком не является незаконным использованием товарного знака; 3) ввоз на территорию РФ товара, бывшего в употреблении, не затрагивает права правообладателя на товарный знак; 4) выпустив автомобиль в гражданский оборот — пусть даже за рубежом, — правообладатель исчерпал свое право. Ни один из этих доводов, однако, не встретил понимания у судов. К вопросу вины мы вернемся чуть позже. Остальные же тезисы ответчика, по-видимому, не основаны на нормах закона, во всяком случае, в его «традиционной» интерпретации, где правонарушением считается несанкционированный «ввоз» товара, а не только несанкционированное «размещение» товарного знака. Что касается исчерпания права, ФАС Московского округа указал, что «введение владельцем товарного [знака] (или с его согласия) товаров в хозяйственный оборот на территории других стран не может считаться введением их в хозяйственный оборот на территории Российской Федерации (если иное не предусмотрено международным договором Российской Федерации), и, следовательно, в подобных случаях владелец товарного знака, зарегистрированного на территории Российской Федерации, не лишается права запрещать его использование другими лицами». В результате акты нижестоящих судов были оставлены кассационной инстанцией без изменений.

Здесь, конечно, возникает вопрос: а что было бы, если бы перед ввозом в Россию с автомобиля были убраны размещенные на нем товарные знаки Porsche? По-видимому, в этом случае правообладателю осталось бы ссылаться только на использование товарного знака в документации, связанной с введением автомобиля в гражданский оборот (в том числе в таможенной декларации), или в предложениях о его продаже.⁵

Помимо прочего, в данных делах обращает на себя внимание следующее обстоятельство. Санкцией, пре-

дусмотренной ст. 14.10 КоАП РФ, является штраф с конфискацией товара, причем в норме отсутствует добавление «или без таковой». То есть конфискация является обязательным наказанием, применяемым независимо от усмотрения суда.⁶ Однако в обоих рассмотренных делах суд ограничился лишь штрафом. Практическая причина, надо полагать, заключалась в том, что к моменту судебного разбирательства автомобиль был давно уже продан. Вместе с тем такое «урезание» санкции закона представляется спорным: получается, что тяжесть назначенного судом наказания радикально зависит от того, успел ли правонарушитель избавиться от предмета правонарушения.

Это упущение было исправлено судом в следующем деле, которое, правда, дошло лишь до апелляционной инстанции.⁷ Сюжет дела все тот же, с той разницей, что ООО «Порше Руссланд» успело подать заявление в таможенный орган до окончания таможенного оформления автомобиля. Автомобиль не был выпущен таможенным органом для внутреннего потребления, а впоследствии был конфискован по судебному решению наряду с назначением штрафа. Это решение нашло полную поддержку в апелляционной инстанции.

Как видим, суды не склонны предоставлять параллельным импортерам каких-либо послаблений, в которых им отказали авторы ГК РФ. Правда, иногда импортерам контрафактного товара (поддельного или подлинного) удается успешно защититься от предъявленных им претензий на основании тех или иных формальных аргументов (чаще всего — истечение срока привлечения к административной ответственности), но ни один из них не имеет универсального характера.

Одним из распространенных вариантов аргументации в пользу импортера является тезис об отсутствии вины в его действиях. Что касается гражданско-правовой защиты интеллектуальных прав, то ГК РФ устанавливает, что «отсутствие вины нарушителя не освобождает его от обязанности прекратить нарушение интел-

⁵ Подпункты 3—4 п. 2 ст. 1484 ГК РФ.

⁶ Ср., напр.: постановления ФАС Северо-Кавказского округа от 13.09.2005 № Ф08-4236/2005-1690А (норма ч. 2 ст. 19.19, утапливающая в качестве санкции штраф с конфискацией предмета правонарушения, не предусматривает альтернативное применение конфискации, поэтому назначение такого наказания обязательно независимо от усмотрения суда); от

18.04.2006 № Ф08-1402/2006-587А по делу № А53-6608/2005-С5-19; ФАС Северо-Западного округа от 24.12.2007 по делу № А21-4236/2007; от 24.12.2007 по делу № А21-4093/2007 (аналогичные выводы). (Приводится по СПС КонсультантПлюс.)

⁷ Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 12.05.2008 № 09АП-4659/2008-АК по делу № А40-9281/08-145-128.

лектуальных прав, а также не исключает применение в отношении нарушителя мер, направленных на защиту таких прав».⁸ К таким мерам относится, в частности, пресечение неправомерных действий нарушителя. Вместе с тем при отсутствии вины нарушитель освобождается от обязанности возмещения убытков правообладателя (или выплаты компенсации, заменяющей возмещение убытков). Правда, в четвертой части ГК РФ об этом освобождении прямо не сказано, но, по видимому, идея законодателя состояла в том, что такое возмещение убытков является обязательством из причинения вреда, регулируемым главой 59 второй части ГК РФ.⁹ По сформулированному в указанной главе общему правилу «лицо, причинившее вред, освобождается от возмещения вреда, если докажет, что вред причинен не по его вине» (п. 2 ст. 1064 ГК РФ). Что касается административной и уголовной ответственности, то, как известно, и административным, и уголовным правонарушением признается лишь виновное действие или бездействие (п. 1 ст. 2.1 КоАП РФ, п. 1 ст. 14 УК РФ).

В одном из дел (не имеющем, правда, прямого отношения к параллельному импорту), рассмотренных ФАС Московского округа, импортеру удалось отстоять свою невиновность, хотя и с привлечением довольно сомнительных теоретических построений.¹⁰ Речь шла об импорте водки Nemiroff «Українська березова особлива (на бруньках)» в нарушение, по мнению таможенного органа, прав фирмы «Союз-Виктан», владельца товарного знака «НА БЕРЕЗОВИХ БРУНЬКАХ».¹¹ (Данное дело — лишь одно из многих сражений судебной войны этих водочных брендов.) Таможенный орган выпустил товар для внутреннего потребления, но при этом составил протокол об административном правонарушении и затем обратился в арбитражный суд. Суд первой инстанции назначил импортеру наказание в виде штрафа и конфискации товара, но апелляционный суд отменил это решение и отказал в привлечении импортера к ответственности, сославшись, в частности, на отсутствие состава административного правонарушения и

вины импортера. В подтверждение этой позиции апелляционный суд процитировал более раннее решение Арбитражного суда г. Москвы, установившее, что спорная этикетка не является сходной до степени смешения с товарным знаком «НА БЕРЕЗОВИХ БРУНЬКАХ». Кроме того, суд определил, что истек срок привлечения импортера к административной ответственности. Эти вполне убедительные аргументы были полностью поддержаны кассационной инстанцией.

Однако ФАС Московского округа счел необходимым пойти еще дальше. Что касается вины, кассационный суд выдвинул следующий тезис, не обсуждавшийся ранее в апелляционной инстанции. «Анализ ст. 14.10 КоАП РФ позволяет сделать вывод, что субъективная сторона указанного в этой статье правонарушения характеризуется умышленной формой вины, т. е. лицо, совершившее правонарушение, сознавало противоправный характер своего действия (бездействия), предвидело его вредные последствия и желало наступления таких последствий или сознательно их допускало либо относилось к ним безразлично».

Тезис этот, по-видимому, никак не основан на законе. Ряд статей КоАП действительно включает умысел в состав административного правонарушения, о чем свидетельствует слово «умышленное» непосредственно в тексте статьи (например, умышленное уничтожение чужого имущества, ст. 7.17 КоАП). Однако как раз ст. 14.10 к ним не относится. Какого рода анализ навел суд на мысль об умышленной форме вины, остается неясным.

Более того, КоАП предусматривает разграничение форм вины на умысел и неосторожность лишь в отношении граждан и должностных лиц. Действительно, соответствующая статья КоАП почти дословно воспроизводит определения, известные из уголовного права, которые основаны на психолого-эмоциональ-

⁸ Пункт 3 ст. 1250 ГК РФ.

⁹ Именно такой интерпретации придерживается Высший Арбитражный Суд РФ. См.: п. 6 Информационного письма Президиума ВАС РФ от 13.12.2007 № 122 («Компенсация подлежит взысканию с лица, нарушившего исключительное право на использование произведения, если оно не докажет отсутствие своей вины в этом нарушении», в соответствии с п. 2 ст. 1064 ГК РФ).

¹⁰ Постановление ФАС Московского округа от 16.06.2006, 19.06.2006 № КА-А41/5386-06 по делу № А41-К2-27741/05; постановление Десятого арбитражного апелляционного суда от 02.03.2006 по делу № А41-К2-27741/05.

¹¹ См.: постановление ФАС Московского округа от 10.04.2006, 03.04.2006 № КА-А40/2213-06 по делу № А40-44479/05-144-224 (указанное судебное решение оставлено без изменений).

ных категориях и явно неприменимы к юридическим лицам.¹² Что же касается юридических лиц, при определении их вины действует другое правило, основанное на объективных, а не субъективных критериях и не предусматривающее какого-либо разграничения форм вины.¹³

«Юридическое лицо признается виновным в совершении административного правонарушения, если будет установлено, что у него имелась возможность для соблюдения правил и норм, за нарушение которых настоящим Кодексом или законами субъекта Российской Федерации предусмотрена административная ответственность, но данным лицом не были приняты все зависящие от него меры по их соблюдению» (п. 2 ст 2.1. КоАП РФ).

Ввиду этого вышеупомянутый тезис, выдвинутый ФАС Московского округа, представляется грубой теоретической ошибкой (хотя, видимо, и не оказавшей влияния на конечный исход дела). Если принять данный тезис, получится, что неосведомленность импортера о правах правообладателя является основанием для освобождения импортера от ответственности ввиду отсутствия умысла, что не соответствует букве КоАП.

Вероятно, именно в ответ на подобные судебные решения Высший Арбитражный Суд РФ в своем Информационном письме, посвященном применению законодательства об интеллектуальной собственности, счел нужным рассмотреть типичное дело, связанное с импортом контрафактной продукции (без уточнения того, является ли ввозимая продукция поддельной или подлинной).¹⁴ ВАС РФ сформулировал следующее положение.

«Юридическое лицо, использовавшее товарный знак без разрешения правообладателя, может быть привлечено к административной ответственности, предусмотренной статьей 14.10 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, за ввоз маркированного товарным знаком товара на территорию Российской Федерации и в том случае, если оно не знало, что соответствующее обозначение зарегистрировано в качестве товарного знака, поскольку, используя обозначение, оно должно было проверить, предоставляется ли ему правовая охрана в Российской Федерации».

Сославшись на вышеупомянутое определение КоАП для вины юридического лица, ВАС РФ сделал следующий вывод.

«Ответственность юридического лица за совершение правонарушения, предусмотренного статьей 14.10 КоАП РФ, наступает в том числе, если лицо использовало чужой товарный знак, не проверив, предоставляется ли ему правовая охрана в Российской Федерации».

Таким образом, умысел согласно интерпретации ВАС РФ не является обязательным элементом данного правонарушения.

Небезынтeресной с теоретической точки зрения представляется также длинная серия однотипных дел об импорте контрафактных кроссовок через г. Находку.¹⁵

В адрес российской коммерческой организации прибыл контейнер, в котором согласно предоставленному перевозчиком коносаменту находились рамки из гипсокартона для фотографий. Получатель, однако, не стал проводить таможенного оформления товара, и по

¹² Ср.: ст. 2.2 КоАП РФ и ст. 25—26 УК РФ.

¹³ См. также: Мустафина С.А. Вина юридического лица в производстве по делам об административных правонарушениях в области таможенного дела // Административное право и процесс. 2007. № 3. (Вывод автора: «определение вины юридического лица... остается сложной и многообразной проблемой в административно-правовой науке»).

¹⁴ Пункт 15 Информационного письма Президиума ВАС РФ от 13.12.2007 № 122.

¹⁵ Постановление ФАС Московского округа от 28.04.2006 № КА-А40/3396-06 по делу № А40-74023/05-146-635; см. также: постановления ФАС Московского округа 05.03.2007, 09.03.2007 № КА-А40/1291-07; от 05.03.2007, 09.03.2007 № КА-А40/1290-07; от 05.03.2007, 09.03.2007 № КА-А40/1277-07; от 26.04.2006 № КА-А40/3109-06; от 24.04.2006, 17.04.2006

№ КА-А40/3069-06; от 18.04.2006, 17.04.2006 № КА-А40/3074-06; от 18.04.2006 № КА-А40/3071-06; от 03.04.2006, 27.03.2006 № КА-А40/2236-06; от 30.03.2006, 23.03.2006 № КА-А40/426-06 по делу № А40-67730/05-121-633; от 30.03.2006, 23.03.2006 № КА-А40/2218-06; от 28.03.2006, 21.03.2006 № КА-А40/614-06; от 28.03.2006, 21.03.2006 № КА-А40/444-06; от 24.03.2006 № КА-А40/2216-06; от 24.03.2006 № КА-А40/1897-06; от 23.03.2006 № КА-А40/451-06; от 23.03.2006 № КА-А40/437-06; от 22.03.2006 № КА-А40/1912-06; от 02.03.2006, 21.02.2006 № КА-А40/439-06; от 28.02.2006, 20.02.2006 № КА-А40/616-06; от 28.02.2006, 20.02.2006 № КА-А40/579-06; от 21.02.2006, 14.02.2006 № КА-А40/490-06; от 21.02.2006, 14.02.2006 № КА-А40/351-06; от 21.02.2006, 14.02.2006 № КА-А40/342-06; от 21.02.2006 № КА-А40/248-06; от 16.02.2006 № КА-А40/339-06; от 14.02.2006 № КА-А40/317-06.

истечении предусмотренного законом срока временного хранения на товар был наложен арест. При этом в контейнере были обнаружены кроссовки, маркированные товарным знаком PUMA, которые были признаны поддельными. Таможенный орган обратился в арбитражный суд с заявлением о привлечении импортера к ответственности по ст. 14.10 КоАП за незаконное использование чужого товарного знака. Суд, однако, отказал в удовлетворении заявленных требований, указав, что российская организация не является субъектом правонарушения, а также на нарушения при составлении протокола. Это решение было поддержано в кассационной инстанции.

Помимо прочего, ФАС Московского округа сформулировал следующий тезис.

«Согласно пункту 8 статьи 11 ТК РФ под ввозом товаров на таможенную территорию Российской Федерации понимается фактическое пересечение товарами таможенной границы и все последующие предусмотренные ТК РФ действия с товарами до их выпуска таможенными органами.

В соответствии со статьями 69, 72, 77 ТК РФ лицом, ввозящим товар на таможенную территорию, является перевозчик. В связи с этим ответчик не является лицом, ввозящим товар на таможенную территорию Российской Федерации».

Разумеется, в данном случае решение суда было мотивировано тем, что покупатель не предпринял никаких действий для осмотра, таможенного оформления и получения товара (остается, впрочем, неясным, являются ли эти действия «последующими предусмотренными ТК РФ действиями» в смысле ст. 11 ТК РФ). Однако если последовательно применять выдвинутый судом тезис, что ввоз товара осуществляет перевозчик, а не импортер товара, получится, что импортер вообще не может быть привлечен к ответственности за ввоз контрафактного товара, а только лишь за его последующее хранение, перевозку, реализацию и т.д. Это, по-видимому, не соответствует ни замыслу авторов ГК РФ, ни остальной судебной практике. Ввиду этого указанный тезис следует считать как минимум неточно сформулированным.

Необходимо добавить, что в настоящее время готовится к принятию совместное постановление Пле-

нумов Верховного Суда РФ и Высшего Арбитражного Суда РФ, посвященное интерпретации разного рода неоднозначных или пробельных норм четвертой части ГК РФ¹⁶. Пункт 60 разосланного в профильные организации проекта постановления не оставляет сомнений в том, что высшие судебные инстанции России с полным одобрением относятся к сложившейся судебной практике абсолютного запрета на параллельный импорт.

«При рассмотрении дел о нарушении исключительного права на товарный знак судам надлежит учитывать, что ввоз на территорию Российской Федерации товара с нанесенным на него товарным знаком при отсутствии договора с правообладателем о передаче права использования товарного знака этим способом является самостоятельным нарушением. Лицо, осуществившее ввоз товара на территорию Российской Федерации, является нарушителем и в том случае, если оно само не наносило соответствующий товарный знак на товар, а также и тогда, когда оно приобрело товар у самого правообладателя, но не заключило договор о предоставлении ему права на ввоз товара на территорию Российской Федерации.»

Увы, проект явно не предусматривает никаких послаблений и для физических лиц, ввозящих маркированные товарным знаком товары для личного использования.

Как известно, подобные совместные постановления обязательны к применению как судами общей юрисдикции, так и арбитражными судами, т. е., по существу, имеют силу закона наравне с самим ГК РФ.

Итак, судебная практика безоговорочно признает неправомочность параллельного импорта, т. е. ввоза в Россию подлинных товаров, маркированных зарегистрированным в РФ товарным знаком, без санкции правообладателя. Вообще говоря, не спасают параллельных импортеров и технические аргументы, такие как утверждение об отсутствии вины импортера (если только импортер не откажется от ввоза товара).

¹⁶ Плешанова О. На шопинг опускают занавес // Коммерсантъ. 2008. 19 сент. (№ 169). Доступно по адресу: <http://www.kommer-sant.ru/doc.aspx?DocsID=1027962>.

Мировой опыт

Логические основания запрета на параллельный импорт подлинных товаров далеко не бесспорны.

Действительно, назначение законодательства о товарных знаках состоит отнюдь не в том, чтобы любой ценой облагодетельствовать правообладателя. В действительности весь смысл этого законодательства сводится к тому, чтобы обеспечить потребителю достоверную информацию о происхождении данного товара, а именно что товар произведен данным правообладателем или по его лицензии. В связи с этим представляется не вполне логичным безоговорочно запрещать, например, ввоз в Россию автомобилей Porsche без разрешения самой фирмы Porsche.

Такой запрет, по-видимому, никак не способствует правильному информированию покупателей о происхождении и качестве товара, но зато избавляет правообладателя от конкуренции с параллельными импортерами, со всеми вытекающими отсюда последствиями в виде увеличения цены товара.

Ввиду этого многие страны мира разрешают параллельный импорт подлинных товаров без разрешения правообладателя. Некоторые страны следуют общему принципу международного исчерпания исключительного права, т. е. считают исключительное право правообладателя исчерпанным при введении товара в гражданский оборот в любой стране мира, разрешая, по существу, все виды параллельного импорта. Другие допускают возможность лишь некоторых видов параллельного импорта, а третьи не допускают никаких (как Россия). Единообразие подходов в этой области отсутствует (хотя в рамках ЕС имеет место региональная унификация, о ней см. далее). Соглашение TRIPS Всемирной торговой организации, в частности, гласит: «Ничто в настоящем Соглашении не должно использоваться для решения вопроса об исчерпании прав интеллектуальной собственности».¹⁷ Таким образом, вопрос регулирования

параллельного импорта оставлен этим соглашением на усмотрение национальных законодателей.

Так, в Японии параллельный импорт, вообще говоря, разрешен и даже поощряется. Еще в 1970 г. Окружной суд Осаки рассмотрел дело о параллельном импорте авторучек из Гонконга (дело *Parker*).¹⁸ Правообладатель, эксклюзивный импортер-дистрибьютор ручек в Японии, подал в таможенный орган заявление о конфискации импортируемого третьим лицом товара, поскольку импорт маркированного товарным знаком товара без разрешения правообладателя противоречил букве закона о товарных знаках. Однако импортер сослался в суде на преамбулу закона, гласящую, что целью предоставления монополии правообладателю является защита его «деловой репутации» и вытекающее отсюда «развитие промышленности» и «защита интересов потребителя». Ввиду этого суд разрешил параллельный импорт, так как деловая репутация правообладателя не пострадала от ввоза подлинных товаров, а потребитель не был введен в заблуждение. Помимо прочего, суд сослался на «многочисленные европейские прецеденты», содержащие аналогичный вывод.¹⁹ Несмотря на то, что японское право принадлежит к гражданско-правовой системе, именно это судебное решение, по существу, ввело разрешение на параллельный импорт в Японию. (Правда, в некоторых других делах параллельным импортерам не удавалось защитить свое право на импорт, в частности ввиду различного происхождения или иного качества товара.²⁰)

Более того, японская Комиссия по добросовестной торговле (местный антимонопольный орган) прилагает немалые усилия по поддержке параллельного импорта, поскольку он выгоден для потребителя.

А именно: Комиссия считает недобросовестной конкуренцией со стороны эксклюзивного импортера-дистрибьютора создание им препятствий параллельным импортерам в плане приобретения за рубежом или продажи в Японии подлинных товаров того же производителя (включая, например, отказ от ремонта таких товаров).²¹

¹⁷ Статья 6 Соглашения по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (TRIPS).

¹⁸ Решение окружного суда Осаки от 27.02.1970, 2 ИС 325 (*Parker*). Цит. по: Heath C. *The Interface Between Competition Law and Intellectual Property in Japan // The Interface Between Intellectual Property Rights and Competition Policy* (Edited by Steven D. Anderman). Cambridge, 2007. P. 292.

¹⁹ Следует отметить, однако, что в настоящее время эти «европейские прецеденты» утратили актуальность в связи с введением Директивы ЕС о товарных знаках и соответствующем изменением национальных законодательств европейских стран (см. далее).

²⁰ Heath C. *Op. cit.* P. 292.

²¹ *Ibid.* P. 301.

Таким образом, параллельный импорт в Японии не только разрешен, но и пользуется явной государственной поддержкой.

В Европейском Союзе применяется принцип «регионального исчерпания» исключительного права: исчерпание происходит после введения товара в оборот в любой стране Европейского экономического пространства (ЕЭП), но не вне него.²² Это положение введено Директивой о товарных знаках 1988. г, направленной на гармонизацию соответствующего законодательства в странах-участниках.²³ Согласно Директиве «товарный знак не предоставляет правообладателю права запрещать его использование в связи с товарами, которые были выпущены на рынок Сообщества под этим товарным знаком правообладателем или с его согласия».²⁴ В соответствии с правилами ЕС эта норма была имплементирована во все национальные законодательства о товарных знаках (а каждая страна ЕС имеет свою систему регистрации и законодательство о защите товарных знаков, хотя существует также и система регистрации товарных знаков на уровне ЕС в целом).

Казалось бы, процитированная формулировка оставляет открытым вопрос о том, исчерпывается ли исключительное право при вводе товара в оборот за пределами ЕЭП. Однако в 1998 г. Европейский суд этот вопрос, по существу, закрыл (дело *Silhouette*).²⁵ В деле о параллельном импорте в Австрию очков из Болгарии (тогда не входившей в ЕС) Европейский суд определил, что национальные нормы, предусматривающие «международное исчерпание» прав на товарный знак, противоречат указанному положению Директивы. Суд счел, что разницей в национальных нормах, касающихся исчерпания права, будет противоречить целям гармонизации законодательства и обеспечения беспрепятственного оборота товаров в рамках ЕС.²⁶ Необходимо отметить, что интерпрета-

ционные решения Европейского суда обязательны для национальных судов ЕС.

Однако не все страны ЕС оказались удовлетворены столь негативным отношением к параллельному импорту из-за пределов ЕЭП. Английский Высокий суд (в лице своего судьи сэра Хью Ледди), в частности, употребил в адрес Европейского суда довольно резкие формулировки.

«Решение по делу *Silhouette* предоставляет владельцу товарного знака паразитическое право на вмешательство в распространение товаров, которое слабо связано или никак не связано с надлежащей функцией права на товарный знак».²⁷

Не имея возможности отказаться от применения правил, сформулированных Европейским судом, английский суд в ответ прибег к расширительному толкованию понятия «согласие правообладателя», упомянутого в Директиве. Суд счел, что имеет место «неявное согласие» на ввоз в ЕС, если правообладатель продал товар за пределами ЕС, не запретив явно покупателю ввоз товара в ЕС (дело *Davidoff*).²⁸ Понятно, что в достаточной степени расширительное понимание «неявного согласия» фактически ведет к концепции международного, а не регионального исчерпания права. Однако Европейский суд в серии последующих «ответных» решений установил весьма жесткие ограничения на трактовку понятия «согласие». Суд определил, что согласие должно относиться к каждой индивидуальной единице ввозимого товара, а не просто к идентичным товарам (дело *Sebago*);²⁹ что согласие должно быть тем или иным образом выражено самим правообладателем, а не следует из его молчания (дело *Davidoff*);³⁰ и, наконец, что бремя доказывания наличия согласия лежит, вообще говоря, на параллельном импортере (дело *Van Doren*).³¹ Английские суды, однако, не сдаются, находя способы признать наличие

²² ЕЭП включает, помимо членов ЕС, также Исландию, Лихтенштейн и Норвегию.

²³ First Council Directive 89/104/EEC of 21 December 1988 to approximate the laws of the Member States relating to trade marks. OJ L 40. 11.02.1989. P. 1 (далее — Директива).

²⁴ Пункт 1 ст. 7 Директивы.

²⁵ Европейский суд справедливости. *Silhouette International Schmied GmbH & Co. KG v Hartlauer Handelsgesellschaft mbH*, Case C-355/96, [1998] ECR I-6.

²⁶ См.: Brasser E. *Sharing the Burden of Proof in Parallel Importation Cases: A Proposal for a Synthesis of United States and European Union Trademark Law* // *Journal of High*

Technology Law. 2002. Vol. 1 № 1. P. 119, 125.

²⁷ Высокий суд справедливости Англии и Уэльса. *Zino Davidoff SA v. A&G Imports, Ltd.*, 3 All E.R. 711, 712 (1999).

²⁸ См. там же.

²⁹ Европейский суд справедливости. *Sebago Inc. and Ancienne Maison Dubois & Fils SA v G-B Unic SA*. Case C-173/98, [1999] ECR I-04103.

³⁰ Европейский суд справедливости. *Zino Davidoff SA v. A&G Imports Ltd. and Levi Strauss & Co. v. Tesco Stores Ltd*. Joined Cases C-414/99, C-415/99, C-416/99, [2001] ECR I-8691.

³¹ Европейский суд справедливости. *Van Doren v. Lifestyle*. Case C-244/00, [2003] ECR I-3051.

«неявного согласия» в тех или иных ситуациях. Так, в недавнем решении о параллельном импорте в Великобританию мотоциклов из Австралии (дело *Honda*) Высокий суд определил, что имело место «неявное согласие» правообладателя, поскольку (1) австралийское подразделение Honda знало, что мотоциклы покупаются для перепродажи вне Австралии, и (2) британское и европейское подразделения Honda признали, что согласие австралийского подразделения является обязывающим для них.³²

Что касается прав физического лица на ввоз товаров, то Директива (а соответственно и национальные законы стран ЕС) заботливо уточняет, что правонарушением является использование товарного знака «в ходе коммерческой деятельности» (in the course of trade).³³ (В ГК РФ подобной оговорки мы не обнаруживаем.) Это уточнение, по-видимому, решает проблему физического лица, ввозящего маркированный товарным знаком товар для личного использования, хотя само по себе и не дает ясных критериев для различения коммерческого и некоммерческого ввоза физическими лицами.

Таким образом, в ЕС действует принцип регионального исчерпания права в отношении товаров, перемещаемых из одной страны ЕЭП в другую. Однако параллельный импорт из других стран запрещен законодательством ЕС в действующей его интерпретации Европейским судом. Вместе с тем некоторые национальные суды находят те или иные возможности истолкования законодательства в пользу параллельных импортеров.

В США закон, в его буквальном прочтении, запрещает любой несанкционированный американским правообладателем импорт товаров, маркированных зарегистрированным в США товарным знаком. Тем не менее на самом деле определенные виды параллельного импорта разрешены предписаниями Таможенной службы США и судебными прецедентами.³⁴

Закон США о товарных знаках (более известный как *Lanham Act*) запрещает импорт товаров, маркированных знаком, который «копирует или имитирует» зарегистрированный в соответствии с этим законом товарный знак.³⁵ Кроме того, запрещено использование в коммерции «воспроизведения, подделки, копии или подражания» зарегистрированному товарному знаку, если такое использование «вероятно, приведет к смешению».³⁶

Помимо этого, Закон о таможенных тарифах (*Tariff Act*) безоговорочно запрещает ввоз в США продукта, маркированного товарным знаком, принадлежащим американскому гражданину или юридическому лицу и должным образом зарегистрированным (с уведомлением об этой регистрации таможенных органов), если только импортер не предъявит письменного разрешения правообладателя.³⁷ В случае ввоза такой товар подлежит конфискации.³⁸ При этом не требуется даже доказывать «вероятности смешения». Впрочем, американские законодатели, в отличие от российских, позаботились о физических лицах, предоставив им ограниченное исключение из указанного запрета. А именно: запрет не применяется, если физическое лицо при въезде в страну ввозит определенные товары в определенных количествах, но не чаще одного раза в 30 дней и без права продажи товара в течение года (в случае такой продажи товар или его стоимость конфискуется).³⁹

Наиболее опасной для параллельных импортеров кажется именно норма Закона о таможенных тарифах. Казалось бы, она, в отличие от довольно неоднозначных формулировок Закона о товарных знаках, не оставляет никакой возможности для легального параллельного импорта. Однако суды США (как и Англии) известны своей способностью к небуквальному прочтению законодательных актов. Впрочем, в данном случае инициатива по разрешению параллельного импорта принадлежала, как это ни покажется странным российскому наблюдателю, прежде всего Таможенной службе США. Таможенная служба имеет полномочия на выпуск обяза-

³² *Honda Motor Co Ltd v. Derek James Neesam*, [2008] EWHC 338 (Ch). См. также: *MasterCigars Direct Ltd v Hunters & Frankau Ltd*, [2007] EWCACiv 176 (суд счел, что имело место «неявное согласие» правообладателя на «параллельный импорт»). Цит. по: *Hobson A. Intellectual Property — United Kingdom: Court Rules on Trademark Use and Parallel Imports*: <http://www.internationallawoffice.com>.

³³ Пункт 1 ст. 5 Директивы.

³⁴ *Kane S.D. Trademark Law: A Practitioner's Guide*. N.Y., 2004.

P. 17-35—17-49.

³⁵ Кодекс законов США. 15 U.S.C. § 1124.

³⁶ *Ibid.* 15 U.S.C. § 1114(1).

³⁷ *Ibid.* 19 U.S.C. § 1526(a).

³⁸ *Ibid.* 19 U.S.C. § 1526(b).

³⁹ *Ibid.* 19 U.S.C. § 1526(d). Заметим, что если правонарушитель избежал от предмета правонарушения, это никак не влияет на объем его ответственности.

тельных к применению предписаний (regulations), в рамках, установленных статутным законом.

Само введение в 1922 г. упомянутой нормы Закона о таможенных тарифах (точнее, ее аналога в предыдущей версии закона) было инициировано судебным решением одного из апелляционных судов (дело *Bourjois*).⁴⁰ Суд допустил параллельный импорт косметики из Франции вопреки желанию американского правообладателя, ранее приобретшего у французского производителя права на товарные знаки. Впоследствии Верховный суд США отменил данное решение, но еще до этого Конгресс в качестве немедленной «ответной меры» принял упомянутую норму для исключения подобных ситуаций в будущем. То есть норма, по-видимому, была принята именно в целях борьбы с параллельным импортом. Несмотря на это, Таможенная служба продолжила практику разрешения некоторых видов параллельного импорта в своих предписаниях. Так, в 1972 г. соответствующий раздел предписаний был изложен в редакции, допускающей импорт товаров, попадающих под формулировку указанной нормы закона о тарифах, если (1) правообладатель за рубежом и в США — одно и то же лицо; (2) правообладатели за рубежом и в США — материнская и дочерняя компании либо имеют общее владение или контроль или (3) товарный знак на импортируемых зарубежных товарах был размещен с разрешения правообладателя в США.⁴¹ В 1980-х годах в ответ на рост курса доллара и соответствующий рост импорта, включая параллельный, последовал всплеск судебных споров по поводу параллельного импорта. В 1988 г. одно из дел, инициированное ассоциацией правообладателей (дело *K Mart*), дошло до Верховного суда США, который в результате признал законными первые два из приведенных выше пунктов инструкции таможенной службы, но незаконным — третий пункт.⁴² Далее, в 1993 г. один из апелляционных судов, рассмотрев дело о параллельном импорте мыла из Великобритании (дело *Lever*), фактически сузил область применимости второго пункта предписаний. Суд счел, что хотя американское и британское подразделения компании-правообладателя и были аффилированы, но потребительские свойства мыла существенно различались в США и Великобритании (разные ароматизаторы, дезодоранты и т.д.). Ввиду этого

Суд, основываясь на положениях Закона о товарных знаках, признал параллельный импорт недопустимым ввиду «вероятности смешения» товаров.⁴³ В 1999 г. предписания Таможенной службы были изложены в новой редакции, инкорпорирующей все важнейшие судебные решения по данному вопросу. Действующие в настоящее время предписания запрещают серый импорт подлинных товаров, маркированных товарным знаком американского правообладателя, лишь в следующих случаях: (1) знак размещен лицензиатом (включая зарубежного производителя), независимым от американского правообладателя; (2) знак размещен с разрешения зарубежного правообладателя, который не совпадает с американским правообладателем и не связан с ним отношениями общего владения или контроля, у которого американский правообладатель приобрел права на товарный знак в США или которому американский правообладатель продал права на товарный знак за рубежом; или (3) знак размещен на товарах самим американским правообладателем или лицом, связанным с ним отношениями общего владения или контроля, но импортируемые товары существенно отличаются от тех, что разрешены к ввозу или продаже американским правообладателем.⁴⁴ Впрочем, из последнего правила есть исключение: даже если зарубежные товары (подлинные) существенно отличаются от американского аналога, их ввоз допускается, когда уведомление о таком различии размещено на самом товаре или его упаковке вблизи товарного знака.⁴⁵

Таким образом, статутное право США содержит абсолютный запрет несанкционированного ввоза в США товаров, маркированных зарегистрированным товарным знаком американского правообладателя. Несмотря на это, Таможенная служба США проводит политику, по существу, максимально широкого разрешения параллельного импорта подлинных товаров, запрещая лишь те его виды, которые явно были признаны недопустимыми судами США. Суды же подходят к вопросу весьма избирательно, признавая незаконными лишь строго определенные формы параллельного импорта. Интересно, что для выяснения истинного смысла незамысловатой на вид нормы закона о таможенных тарифах судам США потребовалось около 70 лет. В свете этого факта и учитывая, что аналогичная формулиров-

⁴⁰ Апелляционный суд США по Второму округу. *A. Bourjois & Co. v. Katzel*, 275 F. 539 (2d Cir. 1921). Отменено решением Верховного суда США. 260 U.S. 689 (1923).

⁴¹ Кодекс федеральных предписаний США. 19 C.F.R. § 133.21(c) (1972) (положение утратило силу).

⁴² Верховный суд США. *K Mart Corp. v. Cartier, Inc.*, 486 U.S.

281 (1988).

⁴³ Апелляционный суд США по округу Колумбия. *Lever Bros. v. United States*, 981 F. 2d 1330 (D.C. Cir. 1993).

⁴⁴ Кодекс федеральных предписаний США. 19 C.F.R. § 133.23(a).

⁴⁵ *Ibid.* 19 C.F.R. § 133.23(b).

ка ГК РФ вступила в силу в 2008 г., у российских судов еще есть время для ее осмысления.

Итак, вырисовывается довольно любопытная картина. Законодатели самых разных стран мира, будто сговорившись, принимают формулировки закона, казалось бы, исключающие всякую возможность параллельного импорта (надо полагать, к полному удовлетворению правообладателей). Однако многие суды, а также другие государственные органы, основываясь на интересах потребителя и назначении законодательства о товарных знаках, изыскивают возможности небуквального прочтения закона с тем, чтобы допустить те или иные формы параллельного импорта. На этом фоне российские суды, категорически отказывающиеся отступить от буквы закона во имя его смысла, кажутся скорее исключением, чем правилом.

Выводы

Категорический запрет на параллельный импорт, предусмотренный российским законодательством и его действующей судебной интерпретацией, представляется неоптимальным с экономической точки зрения, поскольку никак не способствует правильному информированию потребителя о происхождении и свойствах товара, а способствуют лишь установлению монополярной цены на товар. Исходя из мирового опыта представляется, что должны быть разрешены как минимум те формы параллельного импорта, где ввозимый независимым импортером товар, введенный самим правообладателем в гражданский оборот за рубежом, полностью идентичен товару, распространяемому тем же правообладателем в России. Кроме того, представляется необходимым ввести явное исключение из запрета для физических лиц, ввозящих маркированный товарным знаком товар для личных нужд. Поскольку российские суды не склонны к нетрадиционному толкованию норм закона, инициативу в этом отношении следует взять на себя федеральному законодателю.

Послесловие

Когда эта статья уже была готова к печати, поступило важное сообщение, по-видимому, свидетельствующее о грядущем радикальном развороте российской судебной практики, касающейся параллельного импорта.⁴⁶

⁴⁶ Плешанова О. Дело Porsche Cayenne развернули в суде // Коммерсантъ. 2008. 12 нояб. (№ 205).

Коллегия судей Высшего Арбитражного Суда РФ приняла Определение о передаче в Президиум ВАС РФ для пересмотра в порядке надзора того самого дела о конфискации автомобиля «Порше», которое разбиралось выше (напомним: автомобиль был конфискован судом по заявлению таможи на основании ст. 14.10 КоАП РФ с подтверждением решения в апелляционной инстанции). В Определении указывается, что публичные интересы нарушает только оборот поддельных товаров, маркированных товарным знаком, ввиду чего в отношении подлинных товаров, пусть даже ввозимых без разрешения правообладателя, административно-правовые санкции применяться не должны. Вместе с тем коллегия высказала мнение, что правообладатель в этой ситуации может защищать свои права гражданско-правовыми средствами, т. е. путем самостоятельной подачи иска. Если Президиум ВАС РФ примет решение в соответствии с рекомендациями коллегии (т. е. отменит решение о штрафе и конфискации автомобиля), это будет означать радикальный перелом сложившейся судебной практики нижестоящих судов, прежде всего ФАС Московского округа, обсуждавшейся в настоящей статье. Это также будет означать, что, подобно многим зарубежным судам, ВАС РФ берет на себя полномочия по небуквальной интерпретации писаного закона исходя из более общих правовых принципов. В связи с этим не исключено, что будет внесена правка и в проект постановления пленумов ВС РФ и ВАС РФ, упоминавшийся выше.

Остается, впрочем, много неясностей. Судя по приведенным в информационном сообщении цитатам (полный текст определения пока недоступен), ВАС РФ склоняется к мысли, что параллельный импорт правомерен с точки зрения КоАП РФ, но неправомерен с точки зрения ГК РФ. Подобный подход довольно спорен, поскольку КоАП не предлагает своего собственного определения соответствующего правонарушения, а просто говорит о «незаконном использовании» товарного знака (и «незаконность», по-видимому, определяется именно положениями ГК). Представляется гораздо более логичным сделать еще один шаг, признав правомерность параллельного импорта и в смысле гражданского права. Далее, в свете новой позиции ВАС РФ непонятно, является ли теперь предмет параллельного импорта контрафактным товаром в смысле ст. 1515 ГК РФ и соответственно подлежит ли он изъятию и уничтожению в силу гражданско-правовых норм. Если же он контрафактным не является, то в какой мере применимы положения о других видах гражданско-правовой ответственности нарушителя (возмещение убытков или компенсация)? Вопросов пока больше, чем ответов...